

ЮРИЙ КУБАНИН

ДЁРН

РАССКАЗ

Бойцам “Вымпела” посвящается.

История теперь уже давняя. На войне это было. Не на Великой Отечественной, попозже. Ведь как ни называй — миротворческая миссия, контр-террористическая операция, выполнение интернационального долга, принуждение к миру — война, она и есть война.

Если ты не “паркетный” офицер, свистнет рано или поздно фитюлька над ухом, прошелестит над головой снаряд своих батарей, грохнет рядом до звонкой тишины в ушах чужой “привет”, заорёт, как сквозь вату, кто-то, кому не свезло: “С-сука-а!.. Нога, сука, нога-а!..” Или какая другая часть человеческого тела. Кроме головы. Та приключениям на свою ж... удивляется, как правило, молча. Военно-медицинский факт.

У обывателя представление о войне киношно-кошмарное, фантастическое. Случись героическому подразделению вести неравный бой, в кадре обязательно появится связист, рвущий голосовые связки: “Первый! Первый! Я — Второй! Мэй дэй! Мэй дэй!..”

КУБАНИН (Супрунов) Юрий родился в 1953 году в селе Нагут под Минводами. В 1974 году окончил Московское высшее пограничное командное Краснознамённое училище, служил 3 года замполитом на высокогорной заставе в Аджарии. В 1984 году окончил 2-й Московский Ордена Ленина государственный медицинский институт им. Н. И. Пирогова, работал врачом линейной бригады “скорой помощи”, затем стал военным врачом. Уйдя в запас по выслуге лет, стал журналистом, параллельно практиковал по специальности. Врач-психотерапевт, психиатр-нарколог. Публиковался в журналах “Пограничник”, “Россияне”, “Россия молодая”, “Сельская молодёжь”, “Литературной газете”. Трижды лауреат премии им. М. А. Булгакова “Медицинской газеты”. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

И Первый услышит, и Первый поймёт... Даст пороху штабистам, пенделя тыловикам. Бросит резервы на выручку. Увлечёт личным примером авиацию и флот (если сценарист “ваяет” эпическое полотно). “Комбат-батяня, батяня-комбат”...

Такое универсальное клише. От Голливуда до Болливуда. Мосфильм в промежутке не исключение. Главное, чтобы обыватель ночью дрых спокойно, в уверенности, что утром проснётся там же, где и спать лёг. А не в бомбоубежище. А днём косо поглядывал на слонтяев-пацифистов. И презирал сторонников альтернативной службы в интернатах для немощных.

“Нет, ребята, всё не так! Всё не так, ребята!..”

Вторые сутки сеял мелкий нудный дождь. Гусеничная и колёсная техника размесила грунт в местечке, где дислоцировался полк Минобороны, до состояния жидкого пластилина. На краю вертолётной площадки группа ведомственных спецназовцев томилась в плащ-накидках около груды рюкзаков вперемежку с ящиками для боеприпасов и тюками палаток. Два десятка офицеров давно перешутили все полагающиеся шутки (о стойкости в перенесении тягот и невзгод военной службы, как рекомендовано общевоинскими уставами), ожидали транспорта. Три часа минуло с момента высадки. Местечко служило переадресной базой перед следованием “на точку”. Сколько суток дожидаться дальнейших команд — бог весть. Командир с замом запропастились, налаживая связи с армейцами. Надо было добыть колёса для груза, найти место для ночлега, порешать вопросы с питанием, да мало ли чего...

А вертолётная площадка была на загляденье. На фоне серого пейзажа ранней весны с вытаявшим прошлогодним мусором уже радовала глаз молодой зелёной травкой. Ровнёхонькой до умопомрачения. Будто её каждый день обихаживали газонокосилкой. Откуда бы только машинке здесь, в забытом богом предгорном ауле, взяться? Вопрос.

Надвигались сумерки. “Вертушки” все разлетелись. Квадрат посадочной площадки, метров триста-четырееста на столько же, постепенно чернел, теряя весёленькие краски. Дождь всё сеял. “Пичалька”, как пишут в Сети. Причём строго через “и”. Тут без вопроса. Как сказал бы Винни-Пух, “рассказание у меня хорошее, только хромает”. Не подумайте лишнего, молодёжь у нас хорошая, только правописание у неё хромает. С другой стороны, понятно же, что хотел выразить “аффттар”... “О времена, о нравы!”. Такими мыслями занимал себя подполковник медицинской службы в чине старшего врача, приписанного к боевой группе спецназа. С довольно стандартным для его должности позывным для радиообмена (заодно и кличкой в командировках) — Док.

Утопая по ступицы в колеиной грязи, подъехал, наконец, армейский трёхосный грузовик. Из кабины прыгнул в жижу замкомандира — Дмитрий Николаевич Бугров. Он же “Бугор”.

— Так, господа, цигель-цигель!.. Ночуем сегодня по-царски, в хилтоне. Ужинаем сухпаем, завтраком комполка обещал горячим угостить. Рюкзак Виталий Петровича не забудьте...

“Хилтон” оказался полуразрушенным кирпичным ангаром, но с уцелевшей крышей, что по меркам походной жизни действительно шикарно. К тому же, от предыдущих пилигримов достались в наследство лежаки из пустых артиллерийских ящиков. Чистый блеск! Это тебе не на стылой февральской земле в спальнике крутиться. Ну и бинго-о! Командир, чтобы не скучать попусту, личный состав дожидаячись, раскочегарил буржуйку в дальнем углу строения, топя её щепой из той же снарядной тары. Вид печурка, правда, впотьмах имела странный — серого бугристого термитника. На беглый взгляд показалось, что она просто густо обмазана глиной, как бы наспех, небрежно. Для усиления теплоотдачи, решили любопытные.

— Виталий Петрович, да вы прямо отец родной, — скупо поблагодарил командира группы кто-то самый промокший.

— Пользуйтесь, пока я добрый. Бармалей! На тебе — контроль входа-выхода.

— Сделаем, — отозвался Бармалей.

Тут не обойтись без лирического отступления. Спецназ в боевых командировках носит камуфляж, как у всех, согласно географической зоне, стране пребывания и сезону в ней. Но без знаков различия. Дома остаются и награды. Всем и без того известны регалии и должности друг друга. Табель о рангах читается, субординация соблюдается неукоснительно, но, скажем так, в щадящем режиме. В обращениях предпочитают радиопозывные.

Обживатьсь решили начать поутру. Очень хотелось обсушиться и поесть. Тепла буржуйки хватало лишь на угол, в котором она бросала скупые блики из поддувала. Туда народ и подтянулся, зажгли несколько стеариновых свечей, стали потрошить индивидуальные рационы питания, попросту — сухпаи.

— Эх, сейчас бы пшена малость — кашу бы сварили, да топора нет, — посетовал кто-то.

— Виталий Петрович, к нам два бойца, — послышался от ворот ангара голос Бармалея.

В круге жёлтого мерцающего света появились двое рядовых, молоденькие, явно не контрактники. Поставили на пол армейские десятилитровые термосы:

— Товарищи офицеры, тут вот начпрод велел вам передать. Разрешите идти?

— Погодите. Держите за труды, — протянули им несколько плиток шоколада из “общака”. Кому ж не известно: есть и спать солдат хочет всегда. С незапамятных времён бытует в армии прибаутка: лучше переест, чем недоспать. Справедливым считается и обратный порядок удовольствий.

В одном термосе оказалась рисовая каша с тушёнкой, другой был полон горячим крепким чаем.

— А жизнь-то налаживается! — возликовала общественность. — Надо будет армейцам завтра пузырь от щедрот наших отстегнуть, чтоб не прослыть среди боевого братства свиньями неблагодарными. Да и нам бы не помешало чуток, для аппетита... А, командир?

— По пятьдесят грамм.

— О-о-о!.. Как мы в вас не ошиблись, Виталий Петрович...

— Меня подменить не забудьте! — дал о себе знать из темноты Бармалей.

— Ты посмотри, всё у него под контролем, — подкололи его. — Хотя просили только за калиткой присмотреть.

Из коробок для допайка, который закупили вкладчину перед отъездом, достали палку сухой колбасы, две бутылки водки, разлили по кружкам.

— Ну, за удачу!..

Навалились на еду, под чаёк потекли офицерские байки.

— Дружок мой один, по училищу ещё... тоже в снайперы решил податься. Как Филин, вон, — кивнул рассказчик на снайпера группы. — Пытался я его отговорить. Тебе, Толя, что, подгузники в детстве не надоели, спрашиваю? Сутками, может довестись, на пузе без движения придётся лежать... Филин, я правду говорю? — тот кивнул в ответ. — Вот же тебе, Филин, подфартило! Фамилия, кликуха и позывной в одном флаконе. Даже голову не пришлось ломать. Так о чём это я? Ага. Дальше рассказываю, как сам слышал. В одной заварушке завязалась у него снайперская дуэль. В микрорайоне после двух месяцев боёв из населения уже никого не осталось. Одни архитектурные излишества для пейнтбола. Он с помощником в одной девятиэтажке гнездо свил, визави его — в другой, напротив, метрах в шестистах всего. Сутки пасут друг друга, вторые... На единственный выстрел оба поставили. Вдруг рёв моторов за домом, гвардейский танковый взвод паркуется. Заглушили движки, минут через пять — голоса на лестнице. Толя помощнику даёт команду по микросвязи — проверить, что за чудачки. Тот на второй этаж с девятого привидением спустился, видит, *три танкиста, три весёлых друга* недвижимостью шмонают. За старшего у них летёха — командир взвода. В июне только выпустился, в июле первый офицерский отпуск отгулял, в августе сразу в переделку... Матрасами в брошенных квартирах разжились, пехоте на броню под задницы бросить, да и самим по обстоятельствам использовать. Ну, Толин помощник их поздравил, что до третьего этажа

не успели дочапать, у снайпера с той стороны — мёртвая зона по второй этаж включительно. Чуть выше башку высунул — бац, ветер стих и свет погас. Те руку ему горячо пожали, спросили, может, чем пособить? Да чем вы тут поможете! Но спасибо за участие... Думал, на этом знакомство и закончилось. Не получилось угадать. Танкисты вышли, пассажиров перекурком ошастливили, десять минут оправиться дали, за домом, не высовываясь. Лейтенант своим: “По местам!” — скомандовал, дизеля по газам, и на полной скорости переулком на проспект выскочили. На прямую наводку напротив вражьего дома в линию встали, залп из четырёх стволов по цоколию — шарах! Через пять секунд — второй! Следом — третий. Фугасными. Домик покачался в нерешительности, да и осел. Когда пыль улеглась, на раздолбанной крыше, где Толик с нашей стороны ветошью прикидывался, зашевелилась груда мелкого кирпичного боя. Из неё восстал Толик, нервными пальцами стал винтарь чехлить. Молча. Только одно слово и сказал. В знак признательности братьям по оружию. Ни в жисть не догадаетесь, какое.

— Ладно, не нагнетай...

— Говнюки.

И пошёл памперс менять.

— Через полгода в Кремле орден получил, с помощником на пару. Идут по Тверской, гордые... На полном к тому основании. До Пушкинской площади дошли. Толик перед изваянием постоял и говорит: “Не пойму, почему памятник Александру Сергеевичу? Дантес же попал”.

— Анекдоту — сто лет в обед.

— Знамо дело. Но для красного словца не пожалеешь и отца. Уж больно в тему ложится.

— Не козунствуйте, товарищ капитан, — осадил сказочника Виталий Петрович. — Расскажи лучше, как в начале головокружительной карьеры вы сотоварищи в кишлаке под Кандагаром догадались в сортире лёгкий миномёт замаскировать. Юношеству на заметку.

— Ну, это нехитрое дело было. Заняли мы под временный опорный пункт одно подворье. Просторное, богатое, другим не чета. Отхожее место соответствовало статусу, стены толстенные, хоть и саманные. С полезной площадью полный порядок. На упитанность владельца расчёт брался. Да ещё и с зазорами на вырост. На все четыре стороны света. Главное — с дощатой парадной дверкой, а не как у простых смертных — с дерюжкой. Грех было не покуситься. Тем более что накануне десантура трофеей нам презентовала — шестидесятку китайского производства, с полным БК. Им самим возбранялось пользоваться, не пропадать же добру. Аккурат он в сортире и устаканился, заднюю стенку подрихтовали только малёк, для скрытной подачи зарядов. Под опорную плиту досок подложили, чтоб не провалился агрегат, трудясь, куда не надо, случаем. Дальше — дело техники. Дверь на секунду изнутри длинной палкой настезь толкнём... Жак! Дверь обратно — хлоп. Духи на оптику весь спирт извели, протираяючи. Так и не засекли. Как всё расстреляли, гранату в ствол, занавес... Даже жалко было. Качественный аппарат, не смотри, что китайский.

— Прямо в нужнике, что ли, ухнули?

— Нет, конечно. К чему мирным дехканам хозяйство рушить, международную напряжённость под салют из дерьма без надобности ещё больше напрягать. За дувал вытащили, там и подорвали, когда уходили. Что мы, не люди, что ли...

— Так, пацаны, спокойной ночи! Мульттики закончились. На горшок и спать, — распорядился командир. — Талоны на питание в полковой офицерской столовой получите утром. Дежурство по периметру — на первом отделении, дневальные у печки — второе. Старшим составить почасовые графики. Бармалею, за героическое несение службы на фоне шумовых помех типа синхронного чавканья, завтра — выходной.

— Гос-с-поди, да неужто?..

— Шутка. Отбой!

— Ох, и Змей же вы Горыныч, Виталий Петрович...

Ночью дождь прекратился. Потянул ветерок, потеплело. Грязь стала полноценным пластилином. Через оконные, без стёкол, проёмы в ангар вполз рассвет.

— Ну, ничего себе вернисаж! Охренеть!..

Возглас дневального поднял из спальных последних лежебок. Все сгрудились у печки. То, что ночью казалось буграми на ней и бесформенными шишками, в дневном свете обрело чудесную метаморфозу. Искусно вылепленные фигурки нагих мужчин и женщин сплелись на глиняном барельефе в самых немыслимых позах. Детали женских тел доморощенный скульптор проработал с особым любовным тщанием. И со знанием дела.

— Мда, Камасутра — детский лепет против этого. Ты подумай, какие самородки среди военных бывают! — восхитился Виталий Петрович. — Это ж сколько этот Роден здесь творческий потенциал копил, чтобы так сублимироваться?

— Субли... что?

— Док, объясни невеждам.

— Сублимация есть эстетическое самовыражение личности на фоне сексуальной депривации, то есть воздержания, Бармалей. Это вкратце. Доходчиво объясняя?

— Более чем. Типа, чтоб не мастурбировать принародно? А вот интересно, случись на нашем месте бабам пару месяцев кантоваться, да найдись среди них какая-нибудь Вера Мухина, смогла бы она так же вот... творчески возвыситься? В смысле досуга рабочего с колхозницей?

— Вопрос, Бармалей, открытый. Доживёшь до пенсии, займись искусствоведением, коль зацепило. Митинг в честь экспозиции считается закрытым. Завтракаем, разбираем барахло, после обеда стрелковая тренировка в карьере за аулом. Связисты — регламентные работы. Так, моем руки, получаем талоны на питание...

Не успели вернуться с завтрака, на портативной рации командира зажегся сигнал вызова.

— Вектор! — прозвучал позывной Виталия Петровича голосом генерала, начальника центра спецназа. — Я Шкипер. Приём.

— Шкипер, я Вектор, на связи.

— Вектор, жду вас в "Санатории". Подтвердите приём.

— Шкипер, я Вектор. Выдвигаюсь. До связи.

— Оп-паньки... А я уже смокинг из рюкзака в шапчик перевесил, и манишку погладил, — вполголоса посетовал кто-то.

— Майор Филин остаётся за старшего, распорядок дня прежний. Мы с Дмитрием Николаевичем в штаб полка, — распорядился Виталий Петрович.

— Сдаётся мне, мужики, это ж-ж-ж неспроста, — цитатой из всё того же Винни-Пуха поделился Бармалей. — Александр Егорович просто так мотаться по горам не станет. Не генеральское всё ж-таки дело.

Не прошло и часа, ко входу в ангар подъехал бронетранспортёр, из него выбрались командир с замом.

— Так, бойцы, вводная. По агентурным данным, в горизонте недели через урочище Тёмное пройдёт бандгруппа до семи человек поголовья. С интересующим нас эмиссаром. Задача — по возможности захват, ликвидация не порицается. Делимся на две команды. Ядро, старший — Дмитрий Николаевич, — выдвигается немедленно. Программа-минимум — рекогносцировка, выбор площадки под базу. Каждый берёт по два боекомплекта, сухпай на сутки. Я, Док и Бармалей пакуем багаж, дожидаемся переводчика-арабиста, вылетаем следом. Контрольное время прибытия — пятнадцать часов. Теперь связь. Моцарт остаётся со мной, Диджей — в основной группе. График связи — стандартный. Всё. Броня за воротами, борт на взлётке уже под парами. Работаем...

Виталий Петрович отбыл на поклон к армейцам.

К полудню с лязгом к воротам подъехал гусеничный транспортёр, лихо крутанулся. Из люка десантного отсека высунулся Виталий Петрович:

— Чего застыли! Подавайте!

— А толмач-то где? Впятером, оно, скорей управимся, — высказал общую мысль Бармалей.

— Толмачом решено пока не рисковать, на скаутские игры человек в своих инязах не подписывался. При штабе поскучает. В случае нашего успеха, с интересантом здесь побалакает. Подавайте, чтоб вас! Час у нас на всё про всё...

Четыре тонны груза на четверых, в режиме мельтешения, в принципе, не бог весть что. Один раз.

Всем четверым пришлось ехать наверх. Нутро транспортёра под завязку набили мягким грузом, коробками с провиантом. На крыше громоздился штабель ящиков с боеприпасами. Те на поворотах ёрзали нещадно, не дать им свалиться или кого-нибудь расплющить помогала только воля к победе. Сами держались за воздух зубами.

Один из трёх вертолётчиков на лёгком поле, с номером 66 на фюзеляже, ждал с работающими винтами. Транспортёр тормознул у кромки поля, которое опять удивило фасонистой изумрудной гладью. Окрест, куда достанет глаз, — серое вязкое месиво.

— Почему встали? — прокричал Виталий Петрович в открытый люк механика-водителя. — Давай к шестьдесят шестому.

Из люка высунулась голова механика-водителя в шлемофоне танкиста:

— Нельзя нам на поле, товарищ... — глаза его шарили по камуфляжу офицера в поисках знаков различия.

— Подполковник.

— Нельзя нам на поле, товарищ подполковник. Гусеницами дёрн порвём. Все здесь, на кромке разгружаются.

— Боец! Как мы четыре тонны отсюда такой хилой командой допрём! Триста метров до борта. У нас взлёт через десять минут! Вперёд!

— Не могу я, товарищ подполковник! Комбат на “губе” сгноит!

— Комбат твой — кто? Капитан? Старлей? А я подполковник ГРУ Генштаба! — приврал Виталий Петрович, чтобы рядовой проникся, не путаясь в ведомственных заморочках. — Вперёд! Это приказ. Под мою ответственность.

Дизель взревел и, выдав сизый солярный выхлоп, дёрнул машину с места.

Не проехали и полпути, как из диспетчерского домика на краю поля выскочила фигура. В щегольской фуражке с голубым околышем и крылышками на тулье, в коричневой лёгкой кожаной куртке, брюках навыпуск, в лакированных чёрных модельных туфлях. Помчалась наперерез. Поняв, что на перехват не успеть, побежала к вертолёту.

Транспортёр остановился в зоне безопасности работающего несущего винта, метрах в двадцати. Началась разгрузка. Подбежал “марафонец” в цивильных туфельках.

— Кто здесь старший? — спросил, запыхавшись.

— Я. А что случилось? — отозвался Виталий Петрович.

— Я комендант аэродрома, лейтенант Синюков! Исполняю обязанности руководителя полётов, — вскинул он правую ладонь к козырьку фуражки. — Товарищ...

Повторилась история, как с водителем тягача.

— Подполковник Петров, — представился Виталий Петрович первой пришедшей на ум фамилией.

— Товарищ подполковник! Прошу убрать с поля транспортёр. Немедленно! И так вон уже дёрн местами свезли. Не положено! Мне начальник авиации за это строгача вкатит.

— Лейтенант! Будь мы на дискотеке... послал бы я тебя... Вас, товарищ комендант. Не видишь, разве, какая ситуёвина! — махнул Виталий Петрович рукой в сторону подчинённых.

Трое потели на славу. Рефлекторно пригибаясь в зоне работающего на малых оборотах несущего винта, трамбовали вертолёт пожитками.

— У меня, лейтенант, — продолжил Виталий Петрович, — за перевалом группа. Без ничего! С одними патронами, голой задницей в снегу сидит. А ты мне про дёрн тут! Отъе... Брысь, короче!

Литератор прошлого, доведись ему стать свидетелем мизансцены, описал бы событие так, как делали это уже тысячи раз до него: “Тонкие губы

молодого офицера побелели, кулаки сжались, глаза налились бессильной яростью... Он метнулся к винтокрылой машине, молнией взлетел по откидным ступеням в грузовую кабину, оттуда — в кабину экипажа. В бешенстве стал втолковывать что-то на ухо первому пилоту”.

Нечего добавит.

К вертолёту подкатил армейский джип, из него выпрыгнул генерал — командир части спецназа. Увидел Бармалея, в одиночку пытавшегося кантовать ящик с чугунной походной буржуйкой. Подскочил, схватился за свободную ручку.

— Да мы уж как-нибудь сами, Александр Егорович... — вяло запротестовал Бармалей.

— Не болтай, дышалку собейшь. Взяли! Бегом...

Когда осталась кое-какая маловесная мелочёвка, генерал отозвал Виталия Петровича в сторонку. За шумом пластающих воздух винтов сути начальственных указаний было не разобрать. Похлопал напутственно по плечу, уехал.

Погрузка закончилась, живая сила забилась в щели между рюкзаками и ящиками.

Лейтенант с каменным лицом выскочил вон. Спрыгнув на землю, угрозил кулаком водителю транспортёра. Тягач, медленно пятясь, по своему следу достиг кромки поля, развернулся на месте и, раскидывая по сторонам ошметки грязи, рванул восвояси.

Вдруг двигатели вертолёта сбросили обороты. Гася инерцию, стали замедляться винты. Борттехник, а за ним первый пилот вышли из кабины, молча проследовали мимо спецназовцев, сбежали вниз по маленькому трапу, направились к домику диспетчеров. Несущий винт как бы нехотя остановился. Провисшие лопасти придали машине усталый вид.

Виталий Петрович сунулся в кабину экипажа. Там, сидя в расслабленной позе, тупо смотрел на пейзаж за обзорным фонарём второй пилот. На шее хомутом висели наушники.

— Что случилось, товарищ старший лейтенант? Почему не летим?

— Погоды нет, — апатично сообщил тот.

— Как — нет? Безоблачное небо с утра, над перевалом в том числе! Невооружённым глазом видно!

— Метеослужба штормовое предупреждение даёт, — постучал авиатор пальцем по наушникам на загравке. — Командир рисковать не хочет. Выгружайтесь, ребята.

— Стоп! От диспетчеров с метео связаться можно? Уточнить прогноз... — Виталий Петрович старался быть максимально корректным.

— Не стоит, товарищ подполковник. Всё равно горючки нет, — постучал пальцем пилот теперь уже по стеклу какого-то датчика на приборной доске. — Заправляться полетим. Так что выгружайтесь, ребята. Скоро темнеть начнёт. Оно вам надо — по темну барахлом трясти?

Виталий Петрович выскочил из машины. Сдерживая шаг, чтобы не бежать, направился к коменданту аэродрома. Заложив руки за спину, тот стоял на краю зелёной взлётки. Как написали бы литераторы прошлого, “в позе триумфатора”.

Какое-то время подполковник спецназа в чём-то убеждал лейтенанта. Показывал руками на небо. На перевал. На два стоящих чуть в стороне свободных вертолёт. Показывал на пальцах цифру двадцать. Один раз даже резанул себя ребром ладони по горлу.

Комендант, глядя на носки своих лакированных штиблет, отрицательно мотал головой...

— Выгружаемся, бойцы! — Виталий Петрович был суров, как никогда.

— Эй! — выглянул из кабины второй пилот. — Складывайтесь за зоной винта. Нам некогда ждать, пока вы до конца поля бегать будете. Потом перетащите...

Приступили к разгрузке. Улучив момент, один подполковник тихо, чтобы не услышали подчинённые, сказал другому:

— Что, Виталя, довыёживались? Жалуется царь, да не жалуется псарь. Слышал, небось, народную поговорку?

— Заткнись, Док. Без тебя тошно!

Равенство званий и статуса в иерархии спецназовских ценностей допускали такой вариант межличностного общения. В кулуарах.

Борт улетел.

— Так, бойцы, слушаем сюда. Моцарт, хватай своё большое радио, дуй в ангар. Застолби место, свяжись с Бугром, обрисуй картину. Я — за колёсами. Док с Бармалеем — на логистике.

— Командир, не в курсе, за тонно-километры ордена дают? — полюбопытствовал Бармалей.

— Тем, кто не сдохнет! — был ответ...

Ночью кое-как разгрузились в ангаре. На последнем издыхании.

— Жрать-то как хочется, — пожаловался Бармалей.

— Дербаньте сухой. Разрешаю по банке сгущёнки. Я в штаб, насчёт наших перспектив жалом повою. На мою долю чайку тоже замутите, — уже от выхода попросил Виталий Петрович.

Вернулся довольный.

— Ну, всё, бойцы. Счастье привалило. Командир инженерного взвода даёт утром отделение нам в помощь. Бармалей, пошуруй в закромах, отложи десять пачек печенья и по шоколадке на мзду солдатикам.

— Вот так всегда: кто-то в шоколаде, а тут горбатишься — даже руку не пожмут, — заворчал Бармалей. — Хотя орден обещали.

— Ну, иди сюда, дурашка. Тебе какую пожать? Правую? Левую?..

В четыре утра всех разбудила радиостанция. Группа в горах вышла на связь вне графика.

— Бугор, я Вектор. Что там у вас? — ответил Виталий Петрович на вызов.

— Вектор, я Бугор. Был огневой контакт, предположительно, с их разведзором. Уходим в запасной квадрат. Приём.

— Бугор, трёхсотые есть?

— Обошлось пока.

— С их стороны что?

— Точно не знаем. Филин говорит, в “ночник” видел — уносили кого-то. Скорей всего, его работа. Всё. До связи...

Виталий Петрович развернул карту, подсветил фонариком, четыре головы склонились над ней.

— Если утром всё сложится, нам комполка первый же борт обещал, будем в квадрате раньше них. Главное, чтоб из урочища ноги успели унести...

Всё сложилось. Комендант аэродрома опять стоял у кромки поля, с глубоким удовлетворением следил, как тягловая сила грузила вертолёт.

Винты машины работали уже почти на взлётном режиме. Отделение инженерного взвода, жуя на ходу печенье, в колонну по двое покидало площадку. Борттехник у открытой двери грузовой кабины всем своим видом проявлял нетерпение. Виталий Петрович садился последним. Очистив обokraины трапа ботинки от комьев грязи, на мгновение задержался, посмотрел в сторону щёголя в выглаженной форме. Прокричал:

— Если кого из наших... хоть царапнуло, убью урода! Из-под земли достану!

Лейтенант повернулся на каблуках, выдрал клоч молодой травы, заспешил в диспетчерскую. Восьмой “Мишка” оторвался от поля, добавил оборотов движкам, взял курс на перевал. Док наклонился к уху Виталия Петровича:

— Ты думаешь, он тебя услышал?

— Нет, конечно. Но понял. Стопудово! — ответил тот в ухо Дока, немного помолчал и добавил. — Если б я был экстрасенсом, и будь я в полной уверенности, что это он пилотам нажаловался, и они решили таким способом нас проучить за свой сраный дёрн, вчера бы и расплюдил гада! И суд офицерской чести меня бы оправдал. Однозначно...

На эшелоне шум двигателей выровнялся. Спецназ летел на работу, каждый думал о своём.

“Всё-таки хорошо, что истина, в конечном счёте, известна лишь Господу Богу”, — подумалось Доку-атеисту.

Может, действительно вчера погода за перевалом испортилась. Или керосин у машины кончился...